

Отважный из Отважного

Боевой путь Михаила Шарапова закончился во Франции

В доменном цехе осталось пять участников Великой Отечественной из более ста ушедших на фронт: Федор Карпович Анисимов, Владимир Степанович Башкирский, Юрий Константинович Гребенкин, Файзула Уразов и Михаил Иванович Шарапов. О последнем и пойдет речь.

Он частенько звонит мне, я иногда захожу к нему. И на сей раз в канун Нового года навещил ветерана. Всегда удивляюсь его феноменальной памяти. Из 1418 дней войны на его фронтовую судьбу пришлось 1147. Число символическое: в этот год впервые упоминается в летописи Москва...

1940 году после окончания восьмилетки подался Михаил в Магнитогорск, где старший брат уже работал электриком в тресте «Магнитострой» и жил в бараке на пятом участке. Отличнику вступили были открыты двери: фельдшерско-акушерская школа, ФЗО, индустриальный техникум, куда он и был принят без экзаменов на первый курс. Вскоре подался уговором ребят, забрал документы и пошел в девятый класс большой каменной школы. 22 июня 1941 года купались с друзьями в Урале, а дома встретил посерьезневший брат со словами: «Ну что, братишка, пойдём воевать. Немцы напали...»

— Пойдем, — промямлил младшей и мысленно прикинул: когда подойдет время призвать в армию, война и закончится.

Александр ушел на фронт, а Михаил направился в отдел кадров ММК, где его зачислили на курсы машинистов коксовых машин. Так и стал работать на коксохиме. Вскоре повесткой вызвали в военкомат, отправили в Миасс и после мелкомосинского зачисления в Васильевскую авиатехническую школу. Форсированная учеба в классах, мастерских, ангарх и на аэродроме — разбирали и собирали двигатели. Затем две недели в Тюменском пехотном училище и в январе 1942 года — на фронт под Москву. Михаил хорошо запомнил, как гнали от столицы немцев: три танка, бензовоз и две машины с пехотой. Из ПТР-ов разделили их под орех, а с пехотой управлялись наши автоматчики. Однажды туманным утром их группа

ворвалась в немецкую траншею, немцев в ней не оказалось, за каждый поворот бросали гранаты. Тут команда: «Ложись!» Три гранаты разорвались позади Михаила, по левой руке побежала кровь: осколок порвал полу шинели, распорвал ватные брюки, пробил рукава фудайки и гимнастерки, врезался в руку выше кисти. Но кость была цела. Первое ранение, госпиталь в лесу возле озера Еловое на станции Чебаркуль.

В конце мая Михаила направили в распоряжение Нагайбакского райвоенкома, зачислили курсантом Златоустовского пулеметно-минометного училища. И снова фронт, 50-я армия, до Брянска километров 60, впереди мощные оборонительные укрепления врага. Боеприпасов было мало, приходилось стрелять редко, но метко. Подошли «катюши», дали несколько залпов, тут и взвод Шарапова не стал жалеть мин, быстро погнались немцев, подавив их пулеметные гнезда. Но те ответили танковой атакой, за ними шли машины с пехотой. Тут уж вся надежда на минометчиков. Бой был ночным, все операции с минометом приходилось делать наощупь. Немецкие танки вошли в село, из кузовов машин посыпалась пехота противника, но попала под наш крупнокалиберный пулемет. Завязалась уличная бой. Немцы были одеты легко — в белые куртки и брюки, которые декорировали их на фоне темных домов. Под дружным огнем наших бойцов немцы стали отходить.

Потом было много кровопролитных боев. Медленно шли на Запад, освобождая города и села. В районе железной дороги Киров-Брянск Михаил получил второе ранение — осколком гранаты распорол бедро.

Михаил Иванович ШАРАПОВ в молодые годы.

1945 года, где встретила мама Прасковья Михайловна. Началась мирная жизнь. Сколько лет прошло с тех пор!..

Но и нынче для беседы вдруг заглянет репортёр перед праздником Победы: — Показали бы вы мне фронтовые ваши фото, как жила там на войне наша матушка пехота.

Ник Старшинов.

Но фотографий в гимнастерке и шинели у Михаила Ивановича нет — не было времени позировать солдату, кавалеру орденов Отече-

ственной войны I и II степеней, медалей «За оборону Москвы», «За отвагу», «За боевые заслуги» и других.

Пока писал о Михаиле Ивановиче, пришло сообщение, что на восьмидесятом году ушел из жизни ветеран Великой Отечественной войны Юрий Константинович Гребенкин. Теперь в доменном цехе осталось четыре фронтовика...

Евгений СТОЯНИН, Герой Социалистического Труда.

ПАМЯТЬ Письма с фронта

Когда началась война, мне не было и трех лет. Отца не помню, но рассказы мамы и сохранившиеся письма создали образ отца — доброго, заботливого главы семьи.

Мой отец, Иван Иванович Семуха, родился в 1912 году в Минске. В 1932 году приехал на строительство Магнитки, где и встретил маму. Сначала жили в бараке, затем в комнате на первом участке, со временем переехали в Соцгород. Отец работал в комбинатском цехе ширпотреба мастером-механиком, одновременно учился в горном институте. Человеком он был талантливым, с широким кругозором, мастером на все руки: мог отремонтировать часы любой сложности, хорошо рисовал, разбирался в графике, играл на многих музыкальных инструментах — в 1934 году создал первый струнный оркестр в городе и руководил им до отправки на фронт. Ко всему прочему отец в совершенстве владел немецким и английским языками, был даже переводчиком у группы немецких специалистов из Берлина, приезжавших в наш город по поводу закупки для комбината оборудования...

До войны на левом берегу было танковое училище, рядом с которым мы жили. Отец был хорошим механиком, и в начале войны его взяли сопровождающим колонны танков до Челябинска. У него была броня, но он отправился с танками до Москвы, а оттуда — на боевые позиции в направлении Ржева.

Перечитывая его письма, я глубже понимаю его душу: «Здравствуйте, дорогая жена Татьяна и дорогие детки Миличка и Славичек! В настоящее время я — командир, получил зарплату 100 рублей. Будет возможность, перешлю деньги тебе. Если бы знала, дорогая жена Татьяна, как я скучаю по своей родной семье. Я каждый час вижу перед глазами Миличку, Славичку, как они бегают, гуляют... Последнее письмо с фронта было более коротким. Погиб отец 23 августа 1941 года под Смоленском, освобождая деревню Красная. Не суждено было нам пожить счастливой полной семьей...

Спустя десятилетия нашу семью разыскали следопыты краеведческого музея поселка Красный Смоленский области и сообщили, что Семуха Иван Иванович захоронен в братской могиле поселка в числе 1500 воинов. Завязалась переписка. Когда возникла необходимость реставрации братской могилы, сельчане собрали из своих сбережений средства, в этом святом деле приняли посильное участие и мы. Позднее мы получили фотографии мемориала и благодарственное письмо, где есть строки: «Красинцам бесконечно дорого имя родного вам человека, память о нем никогда не померкнет в наших сердцах».

Вечная и светлая память всем погибшим!

Людмила ШИШКИНА, дочь погибшего.

За высоким забором

Не могу не вспомнить о войне. Когда она началась, я учился в седьмом классе. Старший брат воевал, писал с фронта о тяжелых боях в Сталинграде.

Я уже получила паспорт, думаю: «Такая страшная война, люди гибнут, а я что же — буду за партией сидеть?» Никому дома не сказала, пошла в отдел кадров комбината устраиваться на работу, фронту помогать. Меня сразу направили в отдел теплотехники, а 16 июля после обучения приняли в новомеханический цех токарем-операционником. Цех был секретный, и меня первым делом направили в спецотдел. Офицер взял с меня подписку о неразглашении военной тайны и предупредил: «Де работаешь, что делаешь — никому не говорить. Даже если спросит твой мастер или любой начальник — ты ничего не знаешь». А я действительно не знала до конца войны.

Цех располагался на пятом участке за высоким забором. Охраняли его с оружием, здесь же охрана и жила в казармах — и рядовые, и офицеры. Было очень строго: выйти за дверь — пропуск, обратно — так же. Работать меня поставили на станок третьей операции. Работали сначала по восемнадцатому часу, потом по двадцати одному часу. Ни праздников, ни отпусков — война. А цех комсомольско-молодежный, работают подстроки четырнадцатипятишестидесяти лет, только мастера и начальники смен взрослые. Станки никогда не выключали: в столовую сбегаешь за пятнадцать минут, в это время у станка мастер работает. И так всю войну. Цех выполнял план на 200 процентов и более. У нас было много наград, Красные знамена от Комитета Оборона, грамоты от Сталина и Косыгина. Где все это сейчас, не знаю.

Вот так голодные, холодные работали мы для фронта, лишь бы быстрее закончилась война. И вот 8 мая вдруг выключили все станки. Полная тишина — мы испугались. Входят начальник цеха Михаил Куперман и парторг Левин, говорят: «Война окончилась. Снаряды больше не нужны».

Нас распределили кого куда... В дни празднования сорокалетия Победы через газету стали разыскивать бывших работников новомеханического цеха. Была организована встреча ветеранов цеха, нас поздравили... А потом о цехе вновь надолго забыли.

Елизавета ЮРКОВА (ЖУРАВЛЕВА), труженик тыла, ветеран труда.

Не забывается такое...

МОЯ ВОЙНА

Михаил Назаренко, пенсионер, ветеран «ЛПЦ-1» — цеха подготовки вагонов ОАО «ММК»:

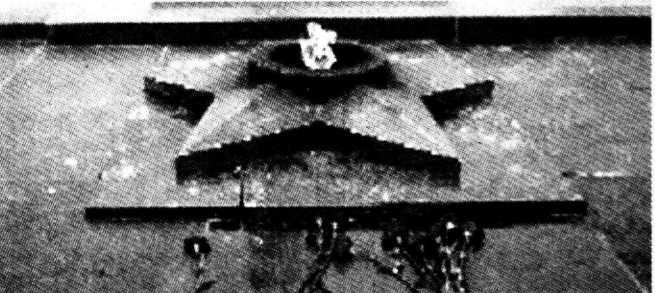
— После освобождения Украины от оккупации невозможно было ни пахать, ни сеять — все поля заминированы, люди подраиваются. А саперов нет — все на войне. Решено было нас, мальчишек тринадцати-четырнадцати лет, получить саперному делу. Собрали в правлении колхоза, объяснили: война, ребята, без вас не справимся. За меня бояться некому: мать умерла, отец на фронте. Написали мы под диктовку заявления о приеме в ряды ДОСААФ, прошли недельный инструктаж. Выдали нам лошадей, повозку, лопаты. Отправились по колхозам — вокруг каждой деревушки неразорвавшиеся снаряды, мины. Десятками собирали и уничтожали их в стороне от деревни. Опасно было: бикфордова шнур не хватало, приходилось резать его покороче — бывало, что едва успевали отбежать. Землей нас много раз засыпало, осколки мимо пролетали. Мы иногда удлинляли шнур ватным жгутом, но он часто потухал. Лежишь и не знаешь: то ли встать и поджечь заново, то ли сейчас рванет. А потом наш командир — молодой лейтенант — подорвался: не успел взорвать выбросить либо недалеко отшвырнул. Он еще был жив, его увезли в больницу, а нас распустили по домам...

Павел Синурук, бывший рабочий ЛПЦ-5:

— Мне лет восемь было. Наше село на Украине четыре раза переходило от советских солдат к фашистам. Красноармейцы займут позиции — везут к нам после боя раненых. Придут немцы — займут лучшую половину хаты. В промежутке выходили из леса партизаны. Нашу деревню немцы не трогали, а в соседней согнали людей в одну хату и сожгли заживо. Попадали только местные учителя, он им был нужен: немного говорил по-немецки. В промежутках между боями налетали фашистские самолеты — стреляли во все, что движется. В людей, в коров. Не знаю, не понимаю: зачем это?..

Раиса Пивень, учитель школы № 28:

— Мой дед воевал, дошел до Берлина. К Дню Победы ему было уже лет пятьдесят — возраст, когда внуков пестуют. Он там, в Германии, жалел ребятшек, подкармливал их. Однажды спас из-под завала шенячий выводок — их мать погибла. Одного щенка привез домой, из него вырос преданный пес. Когда дед умер, он тоже умер. Говорят, у собак, как у людей, бывает разрыв сердца...

Найди, где твои корни, и не суетись насчет других миров.

Генри Дейвид Торо

Есаул, есаул, где ты бросил коня?

КАЗАЧЕСТВО

В редакцию «Магнитогорского металла» обратился пенсионер Владимир Лаушкин и попросил рассказать о судьбе семиреченских казаков, которые когда-то проживали на «киргизской» земле. Отвечает историк, краевед, член Союза писателей России, лауреат трех литературных премий Владимир Баканов:

— Почему казаков назвали семиреченскими?

— По месту проживания. Семиречье — местность, которую пересекает семь рек: Аку, Ленга, Баскан, Сарканд...

— Когда возникло семиреченское казачество?

— В 1867 году из девятого и десятого полковых округов Сибирского казачьего войска образовано семиреченское. На службу направлены в поселок Верный — это русское название. В двадцать первом году поселок переименован в Алма-Ату, территория станет принадлежать Казахстану. Шефом вновь образованного войска назначен генерал-майор Герасим Колпаковский. Население поселка — примерно сорок тысяч человек. В 1869 году в состав войска зачислены китайские эмигранты — маньчжуры, калмыки, уйгуры, всего четырехста человек.

— Каким был образ жизни казаков?

— Военно-крестьянский. Они охраняли российскую границу. Были у них атаман, правление. Занимались казачьим сельским хозяйством и скотоводством.

— Каковы были их обряды, обычаи?

— Традиции были общими у всех казаков. В Семиречье находились сибирские казаки, они пришли с Дона, Волги,

Урала. Китайские эмигранты внесли свое. Конечно, преобладали русские обычаи, ведь среди казаков было много русских.

— Чем отличались семиреченские казаки от остальных?

— Для служивших казаков была введена единая форма. Внешние отличия семиреченских казаков — лампас, погоны и околыш фуражки малинового цвета, у сибиряков был алый, у оренбуржцев — светло-синий. За отличие в походах выдавали ордена и нашивки — одиночные белевые петлицы на воротнике и обшлагах мундиров нижних чинов, пожалованные в 1908 году. Было у семиреченцев свое знамя — бунчук, подаренное восьмому полку линейного Сибирского казачьего войска в 1809 году.

— Они участвовали в военных действиях?

— Безусловно. В 1871-1875 годах участвовали в Туркестанском походе — Кульджаинский, Хивинский, Кокаандский полки.

— Как сложилась судьба семиреченских казаков?

— По постановлению советского правительства в двадцатом году войско семиреченских казаков было распушено. Еще до постановления в июне 1918 года Верхнеуральск взяли белые — колчаковцы. Первым в город вошел отряд сибирских казаков есаула Анненкова. Его отряд, состоящий из трехсот человек, отличался жестокостью. В конце девятнадцатого года Красная Армия перешла через Урал — Челябинск, Екатеринбург, Орск, Троицк — и двинулась на восток. Семнадцатого ноября взяли Омск. Есаул Анненков к этому времени стал уже генерал-лейтенантом и со своей бригадой ушел в Семиречье. Двд-

цатитысячное войско оренбургского атамана Дутова, намеревавшееся пробиться к Омску, тоже повернуло к Семиречью. Там произошел конфликт — Анненков не признавал авторитета Дутова, тому пришлось уступить. Анненков возглавил тридцатитысячное войско, правда, к марту-апрелю двадцатого года людей становилось все меньше — ведь Красная Армия успешно наступала, а казаки разбегались. Разделившись на две половины, небольшая часть войска под руководством Батича и Дутова пыталась перейти китайскую границу, но казаки засомневались и решили вернуться. Их разоружили, однако, когда они двинулись домой, Анненков выставил пулеметы и расстрелял около трех тысяч человек. Дутов с небольшим отрядом все же перешел границу, китайское правительство его приняло. Однако в апреле двадцатого года его расстреляли чекисты.

Хочется рассказать о судьбе атамана второго Верхнеуральского отряда полковника Луговского. Когда он с семьей отступал до Семиречья, анненковцы изнасиловали его дочерей. Отец вступился за девочек. Несмотря на заслуги и авторитет полковника, его зарубили пашками.

— Существуют семиреченские казаки сегодня?

— В двадцатом году прошлого столетия семиреченское казачество как организация ликвидировано. Сегодня казачество возрождают заново. Существуют ли семиреченцы — точно сказать не могу, скорее всего, нет. Есть потомки казаков, которые пытаются объединяться, создавать общины, однако бывшего войска пока нет.

Беседовала Вероника ШУРОВА.